

ОГЛАВЛЕНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ	5
ОТВЕТ НА «ОТЦОВСКИЕ» ВОПРОСЫ (Вместо пролога)	6

ЧАСТЬ I. ВЫХАЖИВАНИЕ

ГЛАВА 1. Как я был куклой	15
ГЛАВА 2. Звенья цепи на туманной картине	25
Упавшая люстра (Рассказ)	31
ГЛАВА 3. На путь перемен	39
ГЛАВА 4. Шанс — не получка, не аванс!	48
ГЛАВА 5. Мультивибратор разворачивает поток	53
ГЛАВА 6. Первые шажки	63
ГЛАВА 7. Проигрыш — будущая победа	71
ГЛАВА 8. Глядя в зеркало заднего вида (часть первая)	88

ЧАСТЬ II. МЛАДЕНЧЕСТВО

ГЛАВА 1. И вот настал час икс.	95
ГЛАВА 2. Оказывается — не все так просто	103
Отмененный праздник (Рассказ)	115
ГЛАВА 3. Социалистические догматы или импульсивный выбор?	120
ГЛАВА 4. Звание «ромайор»	130
ГЛАВА 5. Оскал внутреннего врага	138
Дуальность мира (Рассказ)	146
ГЛАВА 6. Деловая хватка	153
ГЛАВА 7. «Сольна»	166
ГЛАВА 8. Глядя в зеркало заднего вида (часть вторая)	179

ЧАСТЬ III. ДЕТСТВО

ГЛАВА 1. В шкуре Джека Лондона	187
ГЛАВА 2. Разгон и бабах	193
ГЛАВА 3. Как жить в кризис	204
Деньги в долг (Рассказ)	213
ГЛАВА 4. Вершина	220

ГЛАВА 5. Болото	231
Вариус (Рассказ)	241
ГЛАВА 6. Два лотерейных билета	247
ГЛАВА 7. Глядя в зеркало заднего вида (часть третья)	257
Моэль (Рассказ)	262

ЧАСТЬ IV. ДАВАЙ-ДАВАЙ

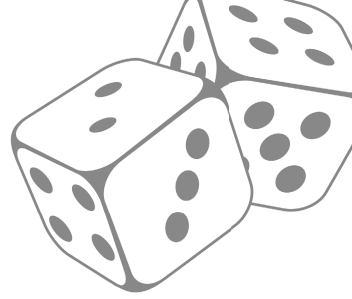
ГЛАВА 1. Держать удар	269
ГЛАВА 2. Белая полоса	279
Материальна ли мысль? (Рассказ)	288
ГЛАВА 3. Переезд в Среднестан	294
Полотенце как театральный реквизит (Рассказ)	305
ГЛАВА 4. Его высочество маркетинг	311
ГЛАВА 5. Страх и смена позиции	321
ГЛАВА 6. Атака двух коней	339
ГЛАВА 7. Единство труда и капитала	351
Сезонные звуки (Рассказ)	364
ГЛАВА 8. Пожар	367
ГЛАВА 9. Рывок, еще рывок	374
ГЛАВА 10. Глядя в зеркало заднего вида (часть четвертая)	395

ЧАСТЬ V. ЮНОСТЬ

ГЛАВА 1. Трудный возраст	403
ГЛАВА 2. Как победить боль в затылке	414
ГЛАВА 3. Мировой кризис — 2008	424
ГЛАВА 4. Изумрудный город	436
ГЛАВА 5. Опять мультивибратор разворачивает поток	448
Этот игривый враждебный мир (Рассказ)	461
ГЛАВА 6. Дежавю	467
ГЛАВА 7. Глядя в зеркало заднего вида (часть пятая)	473

ЧАСТЬ VI. ФИНАЛЬНАЯ

ГЛАВА 1. Решение	479
Разговор на троих (Пьеса)	483
ГЛАВА 2. Собрание	490
ГЛАВА 3. Теории везения в одной куче	495
ГЛАВА 4. Антипланирование	505
Разговор на троих (После антракта)	510
ЭПИЛОГ. Он же — пролог новой жизни	518
Заноза (Рассказ)	518

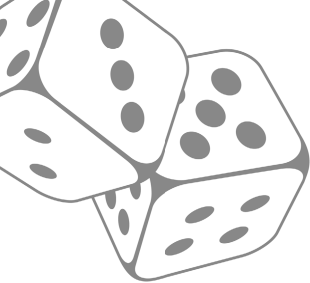
БЛАГОДАРНОСТИ

Я благодарю маму, которая наградила меня сердцем, папу — за указанный путь, всех предков, которые передали силу рода. Их стараниями мой маленький бизнес превратился в бригантину, в паруса которой подул попутный ветер.

Также я благодарю:

гуру менеджмента Владимира Константиновича Тарасова, Ицхака Адизеса, Элияху Голдратта, Питера Друкера, мэтров маркетинга Филипа Котлера, Джека Траута, Эла Райса, Игоря Манна, суперуспешных предпринимателей Ричарда Брэнсона, Джона Рокфеллера, Генри Форда, Фредерика Тейлора, психологов Евгения Креславского, Сергея Калинина, Татьяну Мужижкую, Александра Свияша, Эриха Фромма, философов Нассима Талеба и Владимира Ульянова, основателей печатного дела Иоганна Гутенберга и Ивана Федорова, писателей Алексея Иванова, Наполеона Хилла, Скотта Адамса, Малкольма Гладуэлла, а также гениального ученого Альберта Эйнштейна за дела-мысли-откровения, давшие для моего скромного ума пищу, благодаря которой был создан этот роман.

Историческое название, используемое в книге, только одно — типография «Любавич». Все имена персонажей и названия фирм изменены, все совпадения случайны.

ОТВЕТ НА «ОТЦОВСКИЕ» ВОПРОСЫ

(Вместо пролога)

Тезис — антитезис — синтез.

Диалектическая триада

Уходя с кладбища, я столкнулся с невысоким крепышом в черном пиджаке. Щетина, прищуренный взгляд, лысая голова, напоминающая по форме куб. С таким типом не хочется встречаться в сумерках на пустынной улице.

То был мой старый приятель Константин. Кубик — так его иногда дразнили. Всегда коротко пострижен. А сейчас и стричь нечего. За последние сорок лет пересекались редко. Разговоры оставляли противоречивое послевкусие, похожее на оскомину после хрустящего свежего яблока. Нам всегда было что обсудить: оба в бизнесе, серьезно и долго. Я начал с мизерного стартового капитала, а он — с «отцовского трамплина», стал бизнес-крупышом и владельцем заводов и пароходов.

Много лет прошло с последней встречи. Заговорить ли с ним? И тема есть. Константин — как раз тот, кто может подсказать, но, с другой стороны, может и высмеять. Настолько ли сильно я хочу начинать разговор? Еще есть пару метров — успеть сделать «пустые глаза» и пройти мимо.

— Макс?! — узнал меня Кубик. — Неожиданная встреча. Да еще и в таком месте. Что ты тут делаешь?

— Костян, привет! Заходил на могилу отца.

— Соболезную.

— Да уж пять лет как похоронил.

— А я свечку в храме ставил.

— Грехи замаливаешь? — вырвалась у меня ирония.

Он скривил улыбку и слегка кивнул.

Константин — мой первый в жизни друг. Сблизились мы во втором классе, когда сидели за одной партой на уроках английского, смешили друг друга, раздражали учительницу и получали тройки. Запомнилось яркое, захлестнувшее чувство дружбы. Как-то в пылу откровенности я предложил ему «дать клятву оставаться верными товарищами на всю жизнь». Он рассмеялся в ответ.

Однажды родители Константина устроили ему разнос за плохие оценки. Кубик взялся за ум и следующую четверть закончил с пятеркой по английскому, а я так и продолжал перебиваться с тройки на четверку. В душу закралась зависть. Костян же стал разговаривать со мной свысока. Дружба рассеялась. Годом позже случился еще поворотный момент: одноклассники выбрали Кубика козлом отпущения. Не то чтобы травили, но серьезно дразнили. Почему именно его? Возможно, из-за надменного тона или из-за низкого роста. Я смалодушничал и встал на сторону задир. После этого отношения с другом детства сошли на нет. Вскоре случилось окончательное расставание: отца Константина, который был военным, перевели в другой город. Когда их семья вернулась в Ленинград, уже я перешел в другую школу. Позже совесть напоминала о некрасивом поступке, но она оказалась не единственной «платой»: периодически всплывал на поверхность страх предательства близкими.

— Как, Макс, живешь? Что нового? — мы вышли за ограду кладбища и направились к парковке.

— Да вот, теперь я не бизнесмен!

— Ух ты! Закрыв типографию «Любавич»? Обалдеть! — Кубик остановился, со смешком взглянув на меня. — Так все плохо?

— Да нет, — я пока не решился на откровенность с Константином, — обычная история...

— А я со стороны наблюдал за твоим ростом. Сколько же ты рулил бизнесом?

— Двадцать семь лет. Ты интересовался моей жизнью? И название типографии знаешь. Круто. За что такая честь?

— Двадцать семь. Значит, с 1992-го. А ведь я тогда же начал. Параллельно двигались. Конечно, интересовался! — Константин стучит кулак в кулак. — Мы же с тобой с детства, как бы сказать... соперничали. И знаешь, приятное чувство, что ты... как бы это... сдался, что ли, проиграл.

— Почему проиграл? Я так не считаю.

— Ладно, проехали. Чем теперь живешь?

Вот он, момент икс: спросить или свернуть разговор и разойтись.

— Теперь — рантье, сдаю здание в аренду. Но вот что я хочу с тобой обсудить, раз уж встретились. Только что спрашивал у отца, теперь нужно твое мнение.

— Спрашивал у кого? У могилы? Спиритический сеанс? М-да. Ты всегда был мистиком, — вот эта мерзкая ерническая интонация и раздражала всех.

Я уже пожалел, что начал разговор, но продолжил:

— Ты, Костян, про себя можешь сказать, что достиг успехов в бизнесе?

— Конечно, достиг. Капитализация моего бизнеса выросла в десять тысяч раз. Я прикинул, что вхожу в клуб «один процент самых богатых людей страны». Разве это не успех?

— Ты успех определяешь только по финансовой координате?

— Ну и активы... Да и тебе жаловаться не приходится: здания, производство, импортные станки. Ты говорил, что в твоём штате работало сто семьдесят пять человек.

— Только материальными категориями? Я это спрашиваю. Ещё же есть понятия счастья, самореализации, мечты.

— Определенно материальными! — резко, с вызовом ответил Константин. — А финансовая координата — то, что можно оцифровать. А как измеришь удовольствие и счастье? Меня уже как-то спрашивали про успех: мол, достиг ли я поставленных целей. Да кто их помнит, какие цели я ставил тридцать лет назад? А вот размер кошелька измерить легко. Ты сам знаешь, каково это — тянуть ляжку. Ты-то про себя что считаешь?

— Вот я и пытаюсь разобраться. Сложный вопрос. Может, показатель успеха — это захватывающий образ жизни? Или реализация творческого потенциала? Или мировая известность? И чистую совесть нельзя сбрасывать со счетов.

— Все пытаешься раскладывать по полочкам, любитель наукообразности. Проще надо быть. Конкуренты, государство. Ох! Не для того нас мамы рожали, чтобы задницу подставлять. Все равно никто не оценит. Вот ты завязал с бизнесом, а мне нельзя — надо продолжать. Амбиции, новации, жажда нового — вот мое кредо. Принять вызов и воплотить задуманное в реальность. И на все это мощный движок. Я — как бульдозер: уверенно двигаюсь вперед, раздавливая пеньки и сучья на пути. Останавливаться нельзя.

— Чего ты лозунгами-то заговорил? Еще скажи «доверяй людям!»

— Вот этого нет. Только требовательность и контроль. Нельзя нашим людям доверять — ленивые.

— У меня все ровно наоборот: ни требовательности, ни амбиций, а людям доверял, — я вернул разговор в нужное русло, смотря в глаза собеседнику. — Хорошо, допустим, деньгами определяется успех, и мы с тобой вошли в клуб «один процент». Вот скажи, ты уверен, что все твои победы — это результат трудолюбия, способностей? Или есть доля везения? Нашебетала на ухо птица удачи нужные ходы — вот и весь успех?

Константин развернул меня к себе лицом, вглядываясь в меня.

— Зачем тебе это знать? Ты, часом, не шпион?

— Скажу по секрету: хочу разобраться в себе. Да и вообще понять, успешна ли она, моя жизнь. Может, все это фантом?

— Это и есть «отцовский» вопрос?

— Да. Только тсс. Так, отвечай на вопрос.

Константин молча прошел несколько метров, снова стуча кулак в кулак.

— Встреча с удачей должна настораживать. Что-то, значит, не просчитал. Стопроцентный успех — мой бульдозер-

ный труд. И не надо мне тут втирать, что это какая-то птица залетела в форточку. А когда появилась хватка, дело пошло еще увереннее. Везет тому, кто везет. Однозначно!

— Я раньше тоже так считал. Теперь думаю, что дело в везении, в удачном стечении обстоятельств — одного за другим. Тогда получится золотая цепочка. А трудоголиком я никогда не был. И таланты средненькие.

— Чушь! Мы пахали — вот и результат. Способности у меня были, да и ты не прибедняйся: и физматшколу окончил, и шахматами занимался. Не от сохи. Мозги из нужного места растут. А еще оргспособности: помню, общественной работой занимался в классе.

— О да! Крутая пионерская задача — вести направление «сильные — смелые — ловкие» в нашем классе.

— Любая случайность — скрытая закономерность. Диалектика. Помнишь такой предмет?

— Помню. Но в какой-то момент я заметил, что не все, как ты говоришь, однозначно. Есть какая-то тайная помогающая сила.

Я рассказал Кубику одну историю из своей жизни. Один бизнес-процесс длился восемь лет, а другой три года. Оба завершились в один день. Случайно.

Я подобрал валяющуюся на обочине палку и прочертил два отрезка.

— Вот две шкалы времени, — я начал кипятиться, вспоминая дела давно минувших дней. — Не два дня, не три недели, а восемь лет и три года! И концы этих двух отрезков сошлись в один день — первого июня 2003 года. Независимо друг от друга. А не совпади они хотя бы на месяц — огромные убытки, банкротство. Как могли день в день два растянутых на несколько лет процесса сойтись в одной временной точке?! Нечто нереальное! Что это, если не фантастическое везение? Вот после этого я и задумался, что все мои успехи — это птица удачи.

— Я не до конца понял этот твой сюжет, но это и не важно, — Кубик разглядывал мой рисунок на песке. — У меня

другое объяснение — банальное совпадение. А ты хочешь вывести «теорию везения»?

— Вот покопаюсь в автобиографии, может, пойму, так это или не так. Одна из версий, которую я слышал: удача — разное дело. Вдруг я ее от кого-то подцепил и не заметил?

Константин усмехнулся, ботинком ковыряя выведенные линии на песке, и зашагал дальше.

— Помнишь, Макс, как мы дружили во втором классе? Знаешь почему?

— Взаимная симпатия, наверное.

— А вот и не угадал. Я заметил, что ты на переменах бродишь один. Как будто знаешь секрет и молчишь. С побитым видом. Заинтриговал своей тайной — я к тебе и подошел, — Константин остановился и взял меня за лацкан. — А потом ты рассказал, что родители берут тебя в походы, читают приключенческие книги. Я позавидовал. Мои предки со мной не возились. Помнишь историю, как твой отец тонул в Белом море?

— Костян, продолжаешь удивлять. Я-то помню. Как ты ее запомнил?!

— Меня поразило, каким чудом он выжил. Твоя везучесть не по наследству ли? Не зря же тебя тянет на могилы. Что-то есть загадочное в том, что такой молчун, как ты, создал мощный бизнес. Согласен?

— Отец хотел стать писателем, а остался инженером. А у меня появился шанс до его мечты дотянуться: теперь высвободилось время писать. Вот сегодня я спросил, не возражает ли он. Только тема книги пока неясна.

— И он ответил? — Константин захохотал. — Писательство — это хорошо. Знаешь, со мной случалось всякое, кое-что можно назвать везением. Случайно разговорился в самолете с соседом. Оказалось, что он англичанин. А я как раз английский, как ты догадываешься, хорошо знаю. Я ему приглянулся, он предложил один проектец. И все сложилось.

— А разве не отец тебе передал бизнес?

— После того проекта отец и поверил в меня и взял в дело. До этого считал сосунком.

— Вот видишь, птица удачи щебетнула!

— Но ты меня не путай, мистик хренов. Колесо фортуны, птицы удачи — туфта! Мой успех — моя заслуга. Личная! Понял?! — Константин опять дернул меня за лацкан. — И грязной лапой не замахивайся на мои победы.

Мы подошли к черному «Гелендвагену». Может, настает момент покаяться перед ним за школьные грехи? Смешно: оказывается, он мне тоже завидовал. Крепким объятием мы без слов простили друг друга за детские обиды. Это хорошо, еще один камень с души.

— Костян, еще такой вопрос, — начал я робко.

— Да?

— Ты знаешь, кто такой Голем?

— Нет, а кто это?

— Мифологическое глиняное существо. Человек создал его себе в помощь, а случилось так, что сам человек стал слугой Голема.

— Ну и?

Вдруг из «Мерседеса» выскочил человек и открыл перед Константином дверцу. Тут я заметил две фигуры охранников, которые весь разговор сопровождали нас на расстоянии.

— Ладно, потом спрошу. Вот напишу книгу, изложу там идею, тогда и поговорим.

— А ты так и увильнул от ответа: что с бизнесом? — обернулся у открытой дверцы машины старый приятель.

— Потом, все потом.

— Таишь? Ну да ладно. Хитер, м-да. А ведь, черт побери, ты разгадаешь тайну везения. Я в тебя верю, Макс. Обещай, что рукопись покажешь мне, я оценю!

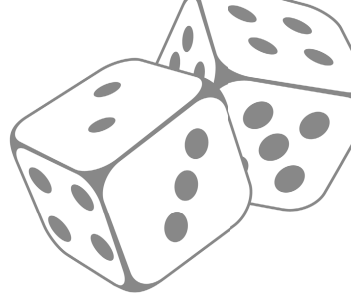
— Обещаю.

Дверца «Мерседеса» захлопнулась. Охранники сели во второй джип неподалеку, и вся кавалькада уехала.

Хорошо, что я поговорил с Костяном: получил ответ — буду писать книгу, и тема сформулировалась. Тезис — деловая хватка, антитезис — везение. Осталось прийти к синтезу. Смогу ли?

А ведь встретились совершенно случайно...

ЧАСТЬ I
ВЫХАЖИВАНИЕ

ГЛАВА

1

КАК Я БЫЛ КУКЛОЙ

Быть хорошим — это так изнашивает человека!

Марк Твен

В детстве большинство книг я воспринимал на слух: мне их читал отец. Мог бы и сам — буквам и слограм родители меня научили в три года, — но я ленился. Лишь одна книга покорила мою душу так, что после я перечитал ее сам, — «Том Сойер». Главный герой стал моим кумиром: как мне хотелось быть таким же смекалистым, веселым и общительным! Но в детстве, как себя помню, я был прямой его противоположностью: стеснительным, замкнутым, боявшимся что-то спросить у незнакомых людей.

В младшей группе детского сада девочки сажали меня, как куклу, в игрушечную коляску и катали по двору. «Кукла» сидела молча, боясь пикнуть. Из-за частых ангин и пневмоний я ходил в детский сад месяц через месяц. Потом подрос, потяжелел, в коляску уже не помещался, поэтому девочки потеряли ко мне интерес, а мальчики и не проявляли. В средней группе на прогулках бродил в одиночестве. Воспитательница интересовалась здоровьем, предлагала поиграть с другими детьми, но я отнекивался. Я оставался самым послушным в группе: никогда воспитателям не перечил; давился, но весь обед доедал до последней крошки, лишь бы не отругали. Меня ставили другим в пример, но стеснительность только нарастала.

Почему так сложилось? Причин для детских комплексов не просматривалось. По крайней мере на поверхности. Моя семья по советским меркам жила хорошо: полная, материально обеспеченная, с ленинградской пропиской, по коммуналкам не шарились — более того, свою отдельную комнату я имел с трех лет. Родители любили, а бабушки-дедушки баловали. Физическое развитие — не хуже других. Откуда низкая самооценка, застенчивость, граничащая с социофобией?

Первая моя социализация произошла только в подготовительной группе детского сада, зимой. Папа купил две клюшки и маленький резиновый мячик, и я предложил ребятам в детском саду поиграть в хоккей (представляю, как я трясся от страха, делая такое предложение). Мальчики согласились: соорудили из снега ворота, поставили меня вратарем (на самую непрестижную роль) и стали бросать мячик по очереди. Играть всем понравилось. На следующий день большинству родители купили по клюшке, и начались двухсторонние игры. Неожиданно оказалось, что у меня хорошая реакция — защищать ворота получалось лучше всех. Мой авторитет в группе подрос, а с ней и самооценка. И болеть я перестал.

На первый медосмотр в школу меня сопровождала мама: вдруг маленького «масечку» обидят?

Только я собираюсь ответить на вопрос врача «Мальчик, как тебя зовут?» — уже заботливый родитель успевает ответить вперед сына. Врач спрашивает: «Сколько тебе лет?» Пока открываю рот — мама уже тут как тут. Врач спрашивает: «Максим, а ты умеешь говорить?» Тишина. Я жду, когда за меня ответят. А мама поняла, что надо промолчать. Пауза. Врач: «Быстро сделай приседание. Оп! Колени хрустнули?» Я: «Нет! Не хрустнули!» Врач дал справку «здоров» со словами: «Активнее надо быть, мальчик! Вот как шустро приседаешь — так и отвечай. Хорошо?» Тот медосмотр стал моим первым психологическим тренингом.

В школе я несколько активизировал жизненную позицию. Правда, пришлось откатиться по лестнице одобрения со стороны взрослых: если в детском саду я числился